

Сколько лет Молдаванке? Локальный сюжет в одесско-исторической ретроспективе*

Молдаванка, Молдаванка,
В перстенечках оборванка,
Сине море нежит ножи,
Солнце нижет белый жемчуг,
Молдаванка, Молдаванка,
Беспрованная дворянка,
Молдаванка, Молдаванка!

Асар Эппель

Владимир Никифорович Станко вырос в предместье Николаева – Терновке. Уже при его жизни этот болгарский поселок вошел в пределы города, сохраняя на долгие десятилетия выразительный и самобытный облик. Так или иначе он сделал многое, чтобы изучить свою «малую Родину». Учил он и нас превращать свои романтические чувства в академические тексты, строго опираясь на документальные реконструкции. Из ряда актуальных направлений историко-этнологический студий, микроистория своими предметностью и конкретностью вызвала особое уважение Шефа. Уже тогда для меня стало подобное отношение эталоном и зародило желание описать свою «Молдаванку», которая задолго до моего рождения вошла в состав Одессы, растворившись в городе, разделив его судьбу.

Популярность этого легендарного района может поспорить разве что с известностью всей Одессы. «Молдаванцем» (по месту проживания) может сейчас называть себя каждый 12-й одессит, а если учесть, сколько из этого микро-района выехало в другие пространства города и Мира, то получается такая себе внушительная общность. Не говорящие «за всю Одессу», люди смело расписываются «за Молдаванку и Пересыпь». После знакомства с обстоятельной и яркой книгой Т. Донцовой¹, мне казалось, что наука уже ничего принципиально нового сказать не сможет об этом предместье. Несмотря на насыщенность эмпирикой, другой краеведческий очерк повторил впечатление². Фундаментальные и яркие тексты О. Губаря только укрепили меня в малоперспективности поиска новых данных о прошлом своего родного района. Однако в этих работах прослеживается дискуссионность вопроса о точном времени и обстоятельствах происхождения Молдаванки. Отметим, что в современной официальной историогра-

* Работа выполнена благодаря поддержке Грантового агентства Чешской Республики (GAIR) в рамках реализации проекта «Changes of everyday life: Continuity and discontinuity in the PostSoviet cities» № GA15-03269S.

¹ Донцова Т. Молдаванка. Записки краеведа. – Одесса: Друк, 2001. (второе издание: Одесса: Черноморье, 2016).

² Нетребский В.П., Шерстобитов В.В. Аюра Молдаванки: Краеведческие прогулки. Очерки. – Одесса: Optimum, 2011.

фии эти проблемы или не ставились³, или, в лучшем случае – цитировалась полемика в краеведческой литературе⁴.

Вердикты указанных краеведов касательно формирования Молдаванки звучат примерно одинаково: «между 1797 и 1802 гг.»⁵. «...основание Молдаванской слободки ранее 1802 года маловероятно, зато отвод земли под хутора близ Водянной балки...начался не позднее 1796 г.»⁶ – аргументация О.И. Губаря базируется на отсутствии отдельных кварталов на картах города конца XVIII – начала XIX вв.⁷ В своей монографии по истории градостроительства, знаток одесских древностей детально изучил систему формирования предместья⁸. Указывая на отдельные случаи конца XVIII в., ученый раскрывает основные модели застройки предместья. Важно, что основные эмпирические данные (фонд ОСК ГАОО) отображают состояние дел 00–40-х гг. XIX в. – т.е., период, когда «тривиальные городские окраины» попадали под процесс присвоения Одессой и ее инфраструктурами.

Однако с XIX века в историографии присутствовали версии более ранней истории хутора. Ученые утверждали, что он уже существовал то ли в 1764 г.⁹, то ли в 1783 г.¹⁰ Документальные свидетельства эти сохранились, но их изучение показывает гипотетический характер этих предположений. Возможно, что «молдаване» появлялись периодически в Хаджибее или его округе, но создать стационарное поселение, видимо, так и не сумели. Эту эклектичную гипотезу – поиск «молдаван» в Ханской Украине (Буго-Днестровском междуречье) как основателей Молдаванки восстановили современные краеведы¹¹. Наличие «волохов» в Северном Причерноморье османского периода никто и не думает отрицать, но вот роль этого населения в обосновании предместья Одессы остается дискуссионной. Главный аргумент против доодесского существования Молдаванки – достаточно точные описания 1790-х гг. не фиксировали ничего подобного в районе Водянной балки и вокруг нее. Одиночные хутора в виде отдельных землянок могли существовать в течении одного сезона или года. Другим важным контрдоводом концепции хаджибейского генезиса Молдаванской

³ Например, в блестящем академическом издании (Історія Одеси / Колектив авторів; гол. ред. В.Н. Станко. – Одеса: Друк, 2002) этому сюжету не уделено ни строчки. Аналогично, в замечательном исследовании А.И. Третьяка Рождение города. Очерки ранней истории Одессы. – Одесса: Optimum, 2012.

⁴ Гулянович І.М. Соціотопографія передмість Одеси в кінці XVIII ст. – середині XIX ст. // Записки історичного факультету ОНУ імені І.І. Мечникова. – Вип.22. – Одеса, 2011. – С. 287 (282–299).

⁵ Донцова Т. Молдаванка... – С. 20.

⁶ Губарь О.И. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015. – С. 137–138.

⁷ Губарь О. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы // «Дерибасовская – Ришельевская»: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах, 2010. – Вып. 43. – С. 27.

⁸ Губарь О.И. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015. – С. 133–158.

⁹ Маркевич А. Город Качибей или Гаджибей, предшественник города Одессы. – Одесса, 1894. – С. 40.

¹⁰ Гавриил. Историко-хронологическое описание церквей епархий Херсонской и Таврической. – Одесса, 1848. – С. 53.

¹¹ Нетребский В.П., Шерстобитов В.В. Аура Молдаванки: Краеведческие прогулки. Очерки. – Одесса: Optimum, 2011. – С. 7–36.

слободы является тот факт, что все они базируются на косвенных данных, содержащихся в специальной литературе минимум через полстолетия от описываемых событий. Например, А.И. Маркевич, А.И. Кирпичников и другие ученые конца XIX в. находились в плену сообщений Моранди (1840-е гг.) или ретроспективной логики других авторов: если есть Молдаванка, то она должна была быть (хочется добавить – «всегда»). «Молдаване уже тогда [1760-е гг.] заняли поселок, известный под именем Молдаванки»¹². Однозначность такой позиции базируется на гипотетичном фундаменте: «молдаване Хаджибея – основатели предместья». Проверки источниками того времени она, увы, не выдерживает.

Таким образом констатируем историографическую дискуссию о времени появления предместья. Не имеется однозначности и в отношении этимологии топонима. Вроде как «самоназвание этого легендарного района не оставляет сомнений в его причастности к судьбам представителей народа, испокон веков населяющего Приднестровье»¹³. Профессионально имея дело с историческими реалиями этнической номенклатуры населения Причерноморья, отнюдь не убежден в такой механической простоте.

Исходя из этих двух вопросов (кто и как заселил Молдаванку? откуда произошло ее название?) попробуем выстроить свои пояснения. Сразу же оговоримся, что для нас это не столько история территории, сколько история населения: гипотеза проста – ойконимы (имена населенных местностей) намного устойчивее жителей и обстоятельств их породивших. Общая аргументация: обилие тюркских топонимов в актуальной практике Одесской области. В силу этого стоит искать не принципы этимологии, а функциональные контексты и свидетельства для их реконструкций. Преемственность населения выступает важным критерием исторической межпоколенной устойчивости. С этих позиций очевидно отношение ученых к популистскому удревлению местностей и их заселенности. Конечно же, сложно найти уголок Земли, где бы не проживал человек в последние тысячелетия своей истории, однако остаются существенными аспекты непрерывности этого проживания. Поводом и основанием выступил корпус новых источников, с которыми удалось поработать в рамках проекта «Многоликая Одесса» (финансовая поддержка – «Инкор»).

Наиболее ранним описанием населения Молдаванки специалистами считается упоминание в разделе «Народонаселение» статистических сведений, составленных для вступавшего в должность градоначальника Э. Ришелье (1802 г.)¹⁴. В этом документе отдельным сословным разрядом были указаны «молдаване, особливо слободкою за городом поселенные: мужеского пола – 53, женского – 42» души. Однако, уже по прибытию легендарного Дюка в Одессу, была составлена «Ведомость о состоянии Города Одесса находящихся в оном жителей» 1 апреля 1803 г.¹⁵ Этот документ был отправлен в Санкт-Петербург, где и был обнаружен. Сравнение его с документом, опубликованным А.А. Скальковским, предоставляет возможность уточнить некоторые важные для города моменты.

В частности, перечисляя сословные группы поселян, отмечаются отдельной строкой: «Слободно поселены в [1] 796 м году вышедшие из заграницы Мол-

¹² Кирпичников А.И., Маркевич А.И. Прошлое и настоящее Одессы. – Одесса, 1894. – С. 6.

¹³ Донцова Т. Молдаванка... – С. 15.

¹⁴ Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. – Одесса: в Городской тип., 1837. – С. 119.

¹⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 1 за 1803 г., д. 218, л. 61–63 об.

давской нации люди»¹⁶. Именно об этой группе писал и одесский магистрат в 1797 г.: из выявленных 635 «беспаспортных бродяг» отмечалось, что «из Молдавии вышедших 51»¹⁷. У них указано 16 каменных домов (всего в городе на тот момент – 1119). Зафиксированное количество («53 мужского и 43 женского пола») не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с одной и той же общностью. Таким образом, имеется четкая дата выхода и поселения в городе людей «Молдавской нации». Уже через год градоначальничества герцога Ришелье, в «сведениях по циркулярному требованию Господина Министра внутренних дел о Городе Одессе» (1804 г.), в соответствующей графе указано: «Молдаван в особой слободке 70 мужеского и 61 женского пола жителей»¹⁸. Отметим явный механический (миграционный) прирост категории: вряд ли за год их численность могла увеличиться на 35 человек или 0,267% (небывалый коэффициент для естественного движения населения: средний на тот период 0,160¹⁹).

Возникает вопрос: почему каждый пятидесятый одессит того времени поселился не в городе, а в степном предместье?

Ответ, по-видимому, стоит искать в социальной структуре населения молодого города. Как и по другим городам Причерноморья, здесь земляческо-этнические общины составляли отдельные «общества» (кроме представителей привилегированных классов). В условиях внутреннего самоуправления такие территориальные корпорации стремились поселиться обособленно, отдельными кварталами. Общим местом в историографии является указание на тот факт, что Одесса задумывалась как поселение для иностранно-подданных. Это ярко иллюстрирует рапорт 1797 г., согласно которому состав мужского населения был следующим²⁰:

		1797 г.	1795 г.
1	Купцов и гостей	677	146
2	Мещан и ремесленников	434	566
3	Земледельцев	78	500*
4	Разного рода людей ²¹	1 223	613**
5	Болгар	33	60
6	Войска Черноморского казаков	404	
7	Греков, Албанцев и Молдаван	269	224
8	Греческого дивизиона	337	
	Евреев		240
	Итого	3 455	2349

* «казенных поселян»

** «мещан иногородних»

¹⁶ РГИА, ф. 1286, оп. 1 за 1803 г., д. 218, л. 62.

¹⁷ Яковлев В.А. К истории населения Хаджибея (1789–1795). К столетию завоевания Хаджибея. – Одесса, 1889. – С. 48.

¹⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 1 за 1803 г., д. 218, л. 224.

¹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 179.

²⁰ Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. – Одесса: в Городской тип., 1837. – С. 62 (для сравнения даны результаты ревизии 1795 г. – обеих полов: Завоевание Хаджибея 1789 года. Исторический очерк Одессы к столетнему юбилею со дня завоевания. – Одесса, 1889. – С. 11).

²¹ «Те. людей беспаспортных и иностранцев, оседлости не имеющих».

Таким образом, видно, что подданные других держав или люди, выдававшие себя за таковых, доминировали в раннем населении Одессы. Кроме того, очевиден факт учета по социальной принадлежности жителей, распределение их по фактическим условиям Одессы. Например, болгары, греки или молдаване это не столько «национальность» в современном значении, сколько юридические общности, своим названием отсылающие к происхождению. Об этом косвенно свидетельствуют: распределение представителей национальностей по различным рангам (купцы, мещане или «греки» и «греческий дивизион»), а также отсутствие выделения евреев (иудеев) в 1797 г., которые безусловно наличествовали в составе населения города.

Рост и развитие города на раннем этапе шло исключительно за счет полулегальных «иностранцев». При вступлении Э. Риппелье в должность градоначальника император писал (30 января 1803 г.): «Одна из главных целей в рассуждении Одессы долженствуя быть та, чтоб увеличить население города иностранцами, особенному попечению вашему поручаю всякими поощрениями и выгодами стараться привлекать всех тех, кои приезжать туда будут согласно тому, как при первоначальном основании сего города сие наблюдаемо было: но притом дабы соблюсти пользы или лучше сказать отвратить зло, которое таковому новому заведению иногда крайне вредно быть может. Если бы водворились там люди из иностранцев замеченные вами дурным поведением, пороками или преступлениями, я предоставляю вам свободу таковых высылать. Уверен в прочем я, что вы в сем случае сохраните всю осторожность, дабы не иначе как по достаточном убеждении сия мера строгости приводима была в действие»²².

«...при желании кого-либо из пришельцев в Одессу — поселиться в ней — не только не спрашивалось никаких документов о самоличности будущего гражданина Одессы, но, напротив, ему отводился безвозмездно участок земли и выдавалось ему пособие на постройку»²³.

В таком контексте стоит вернуться к «молдавской нации» и «Молдованке». Являлись ли этот топоним или первые его жители «молдавскими»? Скорее всего, мы имеем дело с политонимами (названиями по гражданству или подданству). Одесса, находясь на крайнем юго-западе Российской империи, на фактической ее периферии, стала местом прибежища подданных различных государств (Османской империи, Речи Посполитой и т.д.). После разделов и исчезновения Польши с политической карты Европы (1795 г.) для легализации стал путь получения документов в Молдавском Княжестве. Механизм был простым и хорошо отработан беглецами на протяжении XVIII в.: убежать с мест своего проживания, перейти ближайшую границу, правдами или лукавством получить иностранные документы, дожидаться российского Манифеста «на прощение», вернуться уже как подданный другой державы. Стремясь улучшить свой социальный статус или экономическое положение, в эти процессы были втянуты сотни тысяч крестьян и мещан. Наличие «вольного города» в непосредственной близости с границами, естественно, привлекали подобных мигрантов.

Реальные иностранцы (греки, арнауты, болгары, собственно молдаване и т.д.) получали легальные преференции и кондиции для своего проживания. Массштабы стихийной колонизации города явно показывают и наличие всевозможных лукавств и ухищрений. Благодаря «Молдованке» был изобретен один из

²² РГИА, ф. 1286, оп. 1 за 1803 г., д. 218, л. 3–4.

²³ Завоевание Хаджибея 1789 года. Исторический очерк Одессы к столетнему юбилею со дня завоевания. — Одесса, 1889. — С. 51.

таких полуофициальных механизмов поселения в городе. Администрация, заинтересованная в росте населения, смотрела сквозь пальцы на «молдавские пащпорта бродяг» из числа беглых государственных или помещичьих крестьян. Они же, в свою очередь, минимизировали свои затраты и получали доступную легализацию в городе.

Рост населения Молдаванки соответствует темпам развития популяции Одессы, иногда несколько превышая их. Так, на 1809 г. в предместье официально числилось 430 жителей²⁴ (увеличение в сравнении с 1803 г. в 4,5 раза, в то время как всего в городе за это же время население выросло примерно в 3 раза). Стоит отметить, что на карте Одессы этого времени²⁵, схематично присутствуют контуры части Молдаванки: не столько в виде строений, сколько, как нарезанные участки в районе колодцев, «огородные и плодовые сады». Отсутствие на схеме построек, никак не вяжется с наличием хотя бы «16 каменных домов» на 1803 г., не говоря уже, о более чем четырех сотнях жителей. Объяснение стоит искать в стихийном характере застройки предместья: несколько хуторских поселений при отсутствии на тот момент четкого плана развития селитьбы. Поэтому фактические жилища показаны как топографические земельные наделы. Болгарка, Раскидайловка (говорящее название!), и собственно – Молдаванка: эти исторические районы тогда еще не консолидировались в нечто цельное. Различные группы полулегальных беженцев образовывали эти разные поселки, которые лишь к 1830-м годам формируются в условно единое социокультурное пространство Одессы (характерно, что на карте города 1835 года большая часть топонимов присутствует, но не «Молдаванка»).

Эти процессы детально воссоздал О.И. Губарь²⁶. Архивные документы позволили ему описать процессы регламентации стихийной застройки на начальном этапе. Переход от хуторских к городской структуре совершался путем выравнивания улиц, выстраивания домов по красной линии и т.д. Несмотря на длительные и сознательные усилия со стороны городской администрации и Строительного комитета, местами вольный характер застройки до сих пор проявляется как в уличной непредсказуемости, так и в архитектурном облике отдельных зданий.

Молдаванка на ранних этапах предстает как транзитный пункт в сторону Тирасполя или Овидиополя. Здесь находится Застава, которая встречает земледельцев округи. Вот как эту фронтирность описывает Йозеф Крашевский, побывавший в 1837 г. «Дома на предместье Молдаванке [Moldowance] значительно ниже, кое-где старые и разбитые постройки, ожидающие скорого обрушения, чтобы на их месте можно было возвести новые, более прекрасные. Множество ветреных мельниц, которых Одесса насчитывает несколько сотен, показались нам на пригорке. Снова их множество, размахивая крыльями, словно срываясь в полет. Михайловская [Mijalismy] церковь, потом хутор Разумовского [Razu-

²⁴ Скальковский А.А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы в 1859 году // Записки императорского русского географического общества. – СПб., 1864. – Кн. 4. – С. 164.

²⁵ Plan d'Odessa et d'une partie de ses Environs / Dessine par P. Lapie, Ingr. Geographe. 1809. (Table Generale et Raisonnee des Matieres continues dans Ces vinci premiers volumes des Annales des Voyages de Geographe et de L'Histoire. – Paris, F. Busson, Librairie, rue gilles-coevr, № 10, 1813).

²⁶ Губарь О.И. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015. – С. 133–158.

mowskich], выглядывающее из деревьев странное строение, наконец проехали (древний) бульвар отделяющий город от предместья, улочки заполнены приезжающими из Бессарабии подводами с разнообразной живностью, телегами соседних колонистов болгарских и немецких. Доехав к тираспольской таможне, самым деликатным образом выдержали осмотр, и двинули дальше в степь...»²⁷

Усовершенствование делопроизводства делает «иностранный» путь легализации все более затруднительным. По разным причинам семь и, порой – целые общины, русских и украинских крестьян бежали «за границу». Заинтересованные в работниках, местные землевладельцы зачисляли их к себе. Получив новые паспорта, дождавшись очередного манифеста «о прощении» со стороны российского правительства, бывшие подданные российской империи выходили из-за границы, и обосновывались на вновь приобретенных российских землях. Администрация «прощала» им их смутное прошлое.

После ликвидации Речи Посполитой (1795 г.) многие «Поляковы», «Польщаковы» и т.д. стали мещанами новых городов Новороссийского края. Не стала исключением и Одесса. Например, известно, что 15 июля 1809 года Герцогом де Ришелье позволено было поселиться в Одессе семьям пилипонов²⁸: всего 183 человека (Титовы, Филипповы, Осиповы, Астаповы, Федоровы, Андреевы, Селентьевы, Егоровы, Ивановы, Фадеевы, Варфоломеевы)²⁹. Все они бывшие русские жители – старообрядцы, которые бежали в Польшу. В селе Сорокодубы Брацлавского воеводства у помещика Козловского они получили в аренду землю. Будучи по документам «вольноживущими» (ревизия 1795 г.), они написали прошение о причислении своих семей в число одесских мещан.

Городская администрация не всегда благосклонно относилась к подобным случаям переселений. Так, в декабре 1824 г. М.С. Воронцов вынуждено провел изучение состава городских жителей. В результате, обнаружил в Одессе 314 сомнительных выходцев из Молдавии³⁰. В составе «заграничных» жителей обнаружился некий одесский мещанин с 1815 г. Василий Пантеев, который фактически числился в Курске³¹. Согласно следственным материалам М.С. Воронцова, оказалось, что бывшие «заграничные» граждане Одессы проживают на основании Указа Александра I от 30 августа 1814 г. Однако, 3 семьи находились в пределах России и перешли за границу уже после обнародования этого указа; 7 семей еще малыми детьми были завезены на чужбину и «звания своего в России не имеют»; 12 семей иностранного происхождения; 293 семьи (!) «из разных мест Российской империи до состояния Всемилостивейшего Манифеста и по во исполнение оного возвратились из за границы»³².

Градоначальник Ланжерон с 1816 года всячески противился переселению таких выходцев в Одессу. Мнение М.С. Воронцова оказалось более лояльным: «Проживая здесь около восьми лет, занимаясь разными промыслами и платя установленные Городские повинности, они некоторым образом приобрели право быть принятыми в число одесских граждан»³³. Однако Департамент полиции

²⁷ Kraszewski J.I. Wspomnienia Odessy, Jedysanu i Budżaku. Dziennik przejażdżki w roku 1843 od 22 czerwca do 11 września. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – S. 276.

²⁸ Название старообрядцев в Речи Посполитой.

²⁹ РГИА, ф. 379, оп. 1, д. 8, л. 6–7.

³⁰ РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, 30 л.

³¹ РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, л. 2 об.

³² РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, л. 3–4.

³³ РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, л. 5–5 об.

МВД, ссылаясь на Ланжерона, запретил их причисление «... люди сии не по другим каким причинам оставили отечество свои, как по преступлениям, или шалостям; и привыкши к бродяжеству, не охотно принимаются за работу, дабы честным образом снискивать себе пропитание; и как умножение таковыми выходцев в многолюдном торговом городе усиливает только воровства и другая шалости, спокойствие жителей нарушающие...»³⁴

Несмотря ни на что Одесса пополнилась этими 313 семьями или 919 душами обоего пола³⁵. На их выселение просто не нашли ресурсов, и при молчаливом «попустительстве» Новороссийского генерал-губернатора, эти люди остались в Одессе.

Этот сюжет показывает устойчивость механизма «молдаванского» пути заселения Одессы. Конечно же, окончательную ясность в национальной принадлежности жителей Молдаванки может внести детальное изучение массовых формулярных источников, хранящихся прежде всего, в Херсонском архиве (ГАХО).

Вернемся к предместью Одессы конца XVIII – начала XIX вв. Именно эти земли, принадлежащие городу, но, в то же время, мало контролировались администрацией, избрали для жительства ряд категорий поселенцев. Будучи по происхождению эксцентричным районом города, Молдаванка сама формировалась именно так. Лишь на втором десятилетии своего существования стали складываться отдельные центры жизнедеятельности предместья: Конный и Михайловский базары, Михайловская и Петропавловские церкви и т.д. В качестве реликтов такой «раскайдаловский» характер бытует в исторических наименованиях улиц: Мясоедовская, Малороссийская, Болгарская, Прохоровская и т.д. Фиксирующиеся топонимы отражают бывшую хуторскую систему застройки «по хозяевам» (в сельских поселениях патронимические объединения, а в условиях города – генетические или профессиональные «прозвища»). Не зря, эту местность А.А. Скальковский называл «хуторами, наполняющими Молдаванку»³⁶. Еще более последовательно это описывает О.И. Губарь как «поскутное территориальное образование, вообравшее в себя наиболее патриархальную часть: хутора, промышленные предприятия (в том числе каменоломни), колодцы, искусственные водоемы Водяной балки, собственно Молдаванскую слободку, возникшую немного позднее, старые мельничные места, новые мельничные места за балкой и др.»³⁷

Обыватели, а вслед за ними – и профессиональные историки, использовали логику «постфактической рационализации» (удачный термин В.А. Тишкова). Рассуждая не столько перспективным путем (от генезиса до современности), сколько ретроспективным (обоснование актуальных реалий). Вот почему «Молдаванка» терялась то «в веках», то в пространстве (упрямо распадалась на ряд отдельных микрорайонов). У нас есть все основания полагать, что это предместье представляло собой конгломерат различных хуторов, одним из которых и являлся Молдаванка, эпицентрично поглотившая своих сородичей, и благосклонно сохранившая других, на уровне названий отдельных микрорайонов или улиц.

³⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, л. 15.

³⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 3 (1824 г.), д. 240, л. 20 об.

³⁶ Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. – Одесса: в Городской тип., 1837. – С. 245.

³⁷ Губарь О.И. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015. – С. 133.

Характеризует этот процесс также история т.н. «Булгарки» и «Бугаевки». В 1803 г. один французский путешественник описывал округу Тираспольской дороги: «... у долины, где сейчас расположены прекрасные городские сады, можно было разглядеть несколько почти врытых в землю домишек»³⁸. Т. Донцова убедительно предположила, что это дома болгар, которые никак не отразились в описаниях до ревизии 1795 г. Ссылаясь на сведения Моранди, краевед полагает, что ее основателями выступили 60 славян, которых «вывели в последнюю войну из Измаила»³⁹. Предположим, что это были представители болгар, позднее получивших прозвище «туканцев» (местных), т.е. недавние на то время переселенцы из района Средней Горы в Буджак⁴⁰.

Рядом возникает Новая Слободка (не современная Слободка-Романовка (!)), она же – Воронцовка. Или стесненная соседним районом, или развиваясь вдоль важного тракта на Тирасполь, но со временем, «Булгарка» раскинулась по обоим берегам Водяной балки (район легендарных Балковской и Бугаевской). На левой ее части закрепляется «Болгарщина» в названии улицы. А вот историческая в 1820-х гг. становится «Бугаевкой». В 1819 г. здесь была устроена «плотина и спуск воды для водопоя при бывшей черте Порто Франко в Одессе на Тираспольской дороге»⁴¹. Обустройство этого объекта было поручено Одесским строительным комитетом 19 мая 1819 г. Инженеру-Полковнику Готье, подполковнику Дитерихсу, купцу Кротасову⁴². Было выбрано «удобное место в рассуждении расстояния водопоя от черты, который чем ближе будет к черте, тем выгоднее для кордонной стражи и промышленников». Это и была 1-я Застава в районе пересечений современных улиц Балковской и Дальницкой.

В документах этот «Фонтан» (термин, применяемый к источнику воды) именуется как «Рашковский» (в честь хозяина участка). Непосредственное руководство работами по его строительству было предписано вести поручику М.М. Бугайскому⁴³. Когда около Фонтана был устроен трактир, склады и пропускной пункт (все вместе именовалось как «пристань»), в 1824 г. источник неожиданно высох. Тогда поручик поручил двум болгарам (жителям Молдаванки) провести расчистку – в результате проведенных ими работ вода окончательно исчезла⁴⁴.

Поручик Бугайский за свои труды получил участок земли за Водяной балкой (она же – Балковская улица). Он дослужился до звания инженер-капитана, активно участвуя как инженер в обустройстве центра города (например, при его участии был насыпан Приморский бульвар и обустроены шоссе по улицам Ришельевской, Херсонской и Дерибасовской)⁴⁵. Видимо, со временем участок

³⁸ Цит. по: Донцова Т. Молдаванка. Записки краеведа. – Одесса: Друк, 2001. – С. 18–19.

³⁹ Донцова Т. Молдаванка. Записки краеведа. – Одесса: Друк, 2001. – С. 20.

⁴⁰ Подр. см.: Ганчев О.И., Мильчев В.И., Пригарин О.А. «Туканци»: питання формування однієї субетнічної групи болгар України // З любов'ю до народів: Ювілейний збірник на пошану члена-кореспондента НАН України Всеволода Івановича Наулка з нагоди 80-річчя від дня народження. – К., 2013. – С. 95–108.

⁴¹ РГИА, ф. 206, оп. 2 (1827 г.), д. 300, л. 17.

⁴² РГИА, ф. 206, оп. 2 (1827 г.), д. 300, л. 20.

⁴³ РГИА, ф. 206, оп. 2 (1827 г.), д. 300, л. 31.

⁴⁴ РГИА, ф. 206, оп. 2 (1827 г.), д. 300, л. 34–35.

⁴⁵ РГИА, ф. 206, оп. 2 (1827 г.), д. 300, л. 270–273 («план связанный с обустройством Приморского бульвара: порядок высадки деревьев, планировка аллей, ограждение обрыва и зеленых зон. 1822 г.» см.: Губарь О.И. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015. – С. 203).

«Бугайского» упростился в произношении до «Бугаевки». Личность хозяина исчезла из народной памяти, и одесситы начали пояснять этимологию названия через более понятные реалии. В сознании горожан происхождение имени района связывается, то ли с выращиванием на этой окраине крупного рогатого скота (в т.ч. – быков или «бугаев»), то ли со способом доставки воды на подводах, которые могли тащить только «бугаи», а уж никак не кони⁴⁶.

Весьма показательная история развития народно-этимологической логики (характерная для народного сознания всего региона). «Безмолвствующее в истории» (А.Я. Гуревич) население, пытается привязать свое происхождение к герою (увы, такого не нашлось на Молдаванке, а на Бугаевке обычный инженер стремительно исчез из памяти). В отсутствии такового оперируют либо общеизвестными фигурами (например, А.В. Суворов или Екатерина Великая), либо приятными в повседневности категориями⁴⁷. Такой механизм действует, когда имеется топос с четкими границами (конкретное поселение) или с центральной структурой (эпицентрическая модель городов). Увы, Молдаванка оказалась «lends between» или фронтиром: долгое время собственного административного стержня не имела, а ее кордоны зависели как от города, так и от других предместьев (в легендарной песне подчеркивается и эта коннотация «Молдаванка и Пересыпь», но не «вся Одесса»). Семиотически все это оформилось уже во времена героев И.Э. Бабеля, когда «Мир Молдаванки» наполнился самодостаточным смыслом. Видимо, периферия достаточно долго обособлялась в ряде районов: Бугаевка, Ближние и Дальние Мельницы, Курсаки, Слободка-Романовка и т.д.

Таким образом, имеются все основания уточнить существующую версию о происхождении Молдаванки как предместья Одессы. Обнаруженные документы четко свидетельствуют о том, что с 1796 г. возле города, на его землях, на левой стороне Водянной балки возникает несколько хуторов. Один из них – будущая Молдаванская слобода – обязано своему происхождению и названию социальной группе выходцев из-за Днестра. Скорее всего, это были бывшие российские или польские подданные, которые путем получения Молдавских документов пытались легализироваться в составе нового города. Именно такое юридическое значение «молдаван», а не этническое со временем закрепилось и как топоним, и как модель переселения в Одессу. Включившись до историографической дискуссии, солидаризируемся с Т. Донцовой и О. Губарем в том, что генезис предместья следует рассматривать в контексте истории его населения. В этом смысле, Молдаванка не могла возникнуть ранее, чем была основана Одесса. За счет новых источников, можем только уточнить, что первые 16 домов/семей предместья сформировались уже в 1796–1797 гг.

⁴⁶ Марин С. От Лузановки до Люстдорфа: откуда появились названия исторических районов Одессы? // odessa-life.od.ua/article/3877-ot-luzanovki-do-lyustdorfa-otkuda-poyavilis-nazvaniya-istoricheskikh-raionov-odessy

⁴⁷ Подр.см.: Пригарин А.А. Отражение процессов формирования в исторической памяти русских старообрядцев на Дунае // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005, № 1. – С. 88–108; Гуманитарная мысль Юга России. – 2006, № 1. – С. 94–116. (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/273770.html>); Пригарин О. Вибраження процесів формування осередку російських старообрядців на Дунаї в історичній пам'яті їхніх нащадків // Україна модерна. – Число 11. – Київ – Львів: Критика, 2007. – С. 59–84.